Пасечная Е. В.

ТИПАЖ "УЧИТЕЛЬ" В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/48.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 127-130. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

четания, состоящие из трех компонентов (из трех самостоятельных слов, представленных в терминосочетании); многокомпонентные, представленные четырех-, пяти-, шести, семи-, девятичастными структурами, зависимые слова в которых определяют различные аспекты стержневого терминоэлемента;

2) характер ономасиологической связки. В этом направлении учитывается функция этой связи - ограничивающая либо определительная, каждая из которых способна характеризовать тип отношений между базисом и признаком, а следовательно, принимается во внимание конкретизирующая функция этой связи;

3) типы ономасиологического базиса и признака. Каждый из них может быть представлен структурами простыми, имеющими исходное (несубкатегоризированное) понятие, выраженное одним полнозначным компонентом; составными, включающими двойное ядро, части которого могут служить тем или иным целям в обозначении понятий; сложными, именующими субкатегоризированное понятие в виде нескольких компонентов.

Список использованной литературы

1. **Ахманова О. С.** Очерки по общей и русской лексикологии. - М., 2004.
2. **Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.** Лингвистические основы учения о терминах. - М., 1987.
3. **Гринев С. В.** Введение в терминоведение. - М., 1993.
4. **Даниленко В. П.** Русская терминология: опыт лингвистического описания. - М., 1977.
5. **Казарина С. Г.** Типологические характеристики отраслевых терминологий. - Краснодар, 1998.
6. **Капанадзе Л. А.** Особенности номинации в области научно-технической терминологии. Функционирование терминов науки и техники в общелитературном языке XX века // Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. - М., 1968.
7. **Толикина Е. Н.** Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. - М., 1970.
8. **Уфимцева А. А.** Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. - М., 2002.
9. **Яровая Л. В.** Русская морская терминология судовождения. - Одесса, 2002.

ТИПАЖ «УЧИТЕЛЬ» В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Пасечная Е. В.
ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Вопрос образованности общества эпохи Просвещения являлся, пожалуй, самым актуальным. Именно XVIII век ознаменовал собой появление образовательных учреждений и учительского института в России. Обратимся к истории. 20 января 1714 года вышел указ Петра I, обязывающий дворянских детей обучаться грамоте, арифметике и геометрии для поступления в военные образовательные учреждения и запрещающий жениться без образования. Такой указ, с одной стороны, был направлен на ликвидацию всеобщей безграмотности, с другой, порождал массу нерешенных проблем, связанных с отсутствием опыта организации образовательных заведений и нехваткой специалистов. На практике оказалось, что государственные цифирные школы не пользовались популярностью: дворяне не решались отправлять своих детей учиться в раннем возрасте, предпочитая приглашать учителей к себе в дом. Эти процессы нашли свое отражение и в литературе.

Необходимо отметить, что качество преподавания предметов в XVIII и XIX веках резко отличается. Первые учителя были высмеяны еще в «Недоросле» Д. И. Фонвизина - это отставной сержант Цыфиркин и дьячок Кутейкин. Эти и подобные им учителя относились небрежно к своим обязанностям. Постепенно общество конца XVIII - начала XIX века стало требовать от дворян знания нескольких иностранных языков, умения рисовать, танцевать, петь, играть на каком-либо музыкальном инструменте, а также ориентироваться в современной словесности. Учителя нового времени - это люди образованные, часто эмигранты, покинувшие Родину из-за политических изменений. Потребность в учителях в России стала еще больше, а педагогических институтов почти не было, поэтому учитель-иностранец был необходимостью, а к первой половине XIX века он становится еще и показателем хорошего дворянского воспитания.

В беллетристических повестях 1820-40-х годов по происхождению чаще других описаны учителя трех национальностей - немцы, французы и русские. Бегло упоминаются англичанки, итальянцы. Остановимся подробнее на анализе сюжетной роли учителей в повестях женщин-писательниц первой половины XIX века.

Чаще других беллетристы используют типаж «Добрый вдохновенный старик» (учитель-немец). В статье «Немецкие типажи русской беллетристики» [Жуковская, Мазур, Песков 1998] помимо типажей «добрый немец», «добрая немка», «обрусевший немец», «бурш», «мечтатель», «поэт (художник, музыкант)», «демонический немец» рассматривается типаж «наперсник». «Это служебный типажный герой - воспитатель или старший друг студента, поэта и мечтательницы: обычно он пожилой доктор, старый пастор, старый учитель, часто старый музыкант» [Жуковская, Мазур, Песков 1998: 51]. Таковыми являются наперсники молодых героинь в повестях М.С. Жуковой «Медальон» (1838), «Дача на Петергофской дороге» (1845) и Е. А. Ган «Напрасный дар» (1842).

Двух сестер - Софью и Марию - обучает игре на фортепиано и рисованию старик Гутенгерц («Медальон»); Карл Адамович дает уроки музыки и пения Зое («Дача на Петергофской дороге»); Анюте и Петруше Байченко дает знания в разных областях науки, а главное, в литературе, старик Гейльфрейнд («Напрасный

дар»). Всех учителей роднит одно - они становятся верными друзьями своих воспитанниц, претендуя на звание «учителя жизни» и наперсника. Рассмотрим отношения «учитель - ученица» в данных повестях.

Учитель в каждой повести первым открывает талант своих учениц. Сходен в описании момент такого открытия: *«… тихая слеза удовольствия блистала на щеке доброго немца, и он, увлеченный прелестью игры своей любимицы, не думал отереть ее»* [Жукова 1986: 88]*; «… по бледным, изрытым морщинами щекам катились крупные слезы»* [Ган 1991: 143]*; «Маэстро слушал; верхняя губа его подергивалась как будто в судорогах, а на реснице что-то светилось, будто как роса»* [Жукова 1986: 280]. Итак, во всех случаях учитель описан со слезами радости. Мотив «слезы радости и восхищения» не нов в русской литературе. Необходимо, прежде всего, обратиться к воспоминаниям А. С. Пушкина о публичном экзамене в Лицее в 1815 году, на который был приглашен Г. Р. Державин. А. С. Пушкин обращает внимание на старость Державина, подробно описывает его портрет: *«Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. <…> Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож»* [Пушкин 1981: 47]. И лишь когда начался экзамен по русской словесности, *«...он оживился, глаза заблистали, он преобразился весь»* [Пушкин 1981: 47].

Вообще традиция учительского восхищения сложилась еще в предшествующие эпохи. Известна, например, скульптура «Давид» (1443) Андреа дель Веррокио, черты лица которого, по преданию, напоминают черты лица Леонардо да Винчи - ученика скульптора. Таким образом Веррокио признает себя побежденным своим учеником, символически передавая в скульптуре популярную в это время ветхозаветную легенду о Давиде и Голиафе. В. А. Жуковский после знакомства с поэмой А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» дарит поэту свой портрет с надписью «Победителю - ученику от побежденного учителя…».

Учителей и учениц в женских беллетристических повестях роднит то, что они оригинальны, талантливы, выделяются из толпы. Анюта, как и Гейльфрейнд, обладает даром стихотворства. С детства девушку прозвали юродивой из-за ее ночных прогулок, во время которых она любовалась природой. Один только учитель не считал ее такой: *«Тогда меж этим сирым стариком и отчужденным от всех ребенком составился тесный союз: он просвещал ее разум, она услаждала его сердце; он учил ее познавать жизнь, она заставляла его забывать ее; и Бог знает, кто из двух должен был более благодарить другого»* [Ган 1991: 125]. Дружба Анюты и Гейльфрейда продлилась до самой смерти учителя. Героиня оставалась при нем все время болезни, а последние слова учителя оказались пророческими: *«Твои чистые фантазии - дети неба, а небесного не осуществить на земле: ни истинному счастию, ни истинно прекрасному нет на ней приюта»* [Ган 1991: 155]. Анюта в финале повести мучительно умирает, так и не дождавшись признания своего таланта. Таким образом, ученица как бы повторяет жизнь учителя, становится его своеобразным двойником - ни ему, ни ей не суждено прославиться, а описания жизни и предсмертных мучений героев сходны между собой.

Зоя (героиня повести «Дача на Петергофской дороге») - бедная уездная барышня была просватана за старого советника, но на первом балу в Петербурге встретила молодого князя, которого полюбила. Князь уехал, не объяснившись, а Зоя оказалась помешенною, и надежд на ее выздоровление почти не было. Единственным человеком, с которым она находила общий язык, был Карл Адамович: *«Зоя Павловна была для него воплощенною идеей музыки, воплощенною идеей музыкальной Германии, и он привязался к ней, как привязывается артист к своему любимому идеалу, как старик к существу, которое на закате жизни подарило его отблеском утренних радостей»* [Жукова 1986: 281]. В финале повести после смерти главной героини повествователь описывает старичка, который «тихонько бредет» по Исаакиевскому мосту со Смоленского кладбища, ничего не замечая вокруг: «*Лицо его - покойно, но так покойно, как бывает лицо человека, у которого сердце сжато безотрадным, беспредельным горем, как бывает лицо старика, который потерял последнюю радость жизни своей… Этот старик недавно приехал из провинции, но … уже не собирается в Германию»* [Жукова 1986: 322]. Такая привязанность позже найдет свое воплощение в романе И. А. Гончарова «Обломов»: слуга Обломова Захар даже после смерти барина находится рядом с его могилой и не хочет ее покидать.

Отметим, что все героини в финале умирают. Мария, в отличие от юных Зои и Анюты, умирает уже к тридцати годам от «аневризма». Она выходит замуж, но оставляет своего учителя и друга Гутенгерца при себе, до конца жизни поверяя ему свои душевные тайны и, главным образом, давнишнюю любовь к доктору Вельскому.

Образ немца-учителя использовали в своих беллетристических произведениях и другие писатели. Так, В. А. Соллогуб в «Истории двух калош» (1839) описывает дружбу молодого музыканта Карла Шульца и старого органиста. «*Странное сходство сблизило старика с ребенком. Оба были отчуждены от света - один в начале своей жизни, другой уже при конце; в их положении было что-то взаимное и родственное»* [Соллогуб 1980: 561]. В повести появляется еще один образ старого музыканта Бетховена, перед талантом которого преклонялись и сам Карл Шульц, и его учитель-органист. Бетховен, не замечая насмешек уличных мальчишек, записывал ноты углем на стене. Старичок выглядел странно: *«седые волосы падали в беспорядке до плеч; кафтан коричневого цвета был изношен до невероятности; красный платок, обвитый около его шеи, придавал какой-то фантастический оттенок глубоким его морщинам и седым волосам»* [Соллогуб 1980: 563].

В 50-х годах XIX века образ старого учителя-немца использует в И. А. Тургенев в романе «Дворянское гнездо». Учитель музыки Христофор Федорыч Лемм посвящает своей лучшей ученице Елизавете Калити-

ной кантату собственного сочинения. В литературе также известен Карл Иванович Мауер - учитель Николеньки из трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность».

Интересен тот факт, что Е. П. Блаватская, дочь писательницы Е. А. Ган, вслед за матерью использует образ немецкого учителя-музыканта в рассказе «Ожившая скрипка» (1892). Франц Стенио, старый учитель музыки Самуэля Клауса, настолько любит своего ученика, что решается умереть и пожертвовать своими кишками, которые ученик сможет натянуть вместо струн на скрипке, чтоб победить в музыкальном поединке скрипача Паганини. Действие рассказа происходит в 1828 году - в эпоху жизни Е. А. Ган.

На создание образа учителя-немца в русской беллетристической литературе повлияло, как нам кажется, несколько факторов.

Во-первых, прототипами художественных образов становятся реальные учителя. В мемуарной литературе конца XVIII - начала XIX веков можно найти множество описаний домашних учителей, в том числе учителей-немцев. Например, в «Воспоминаниях» С. В. Капнист-Скалон упоминается старик-немец Кирштейн, обучающий юную Софью и ее братьев немецкому языку и арифметике, «отчего братья мои и теперь не считают иначе, как по-немецки» [Скалон 1990: 294]. Петр Васильевич Капнист, дядя Софьи, выписал своим сыновьям «почтенного старика» Нидерштеттера. В качестве домашнего учителя будущего императора Петра III был приглашен академик Я. Я. Штелин, а Александру I естественные науки преподавали академики П. С. Паллас и Л. Ю. Крафт. Хрестоматийным стал случай, когда за маленького Ивана Тургенева, которого в очередной раз жестоко наказала мать, заступился его старый учитель-немец.

Во-вторых, необходимо отметить русское восприятие немецкой культуры. Романтизм как литературное направление начал развиваться в Германии. Произведения писателей-романтиков породили нового романтического героя - человека, отличного от других, имеющего сильные страсти и высокие устремления, не совпадающие с обыденным миром. Такой герой противопоставляет материальное и духовное, предпочитая занятия религией, искусством, философией. Из всех видов искусств, по мнению романтиков, музыка лучше всего отражает человеческие чувства, поэтому расцвет симфонической музыки в Германии, а позже и в других странах приходится именно на это время. Естественно, немец, прибывающий в Россию, становился неким романтическим мечтателем, а его приезд объяснялся многими годами скитаний непризнанного гения, который из-за этого страдал запоями и вынужден был учить дворянских детей, чтоб заработать себе кусок хлеба.

Так, например, старик Гейльфрейнд был даровитым студентом Берлинского университета, но шумные компании, безрасчетная женитьба и неудачи на службе привели его к бедности, он уехал из страны, стал выпивать и вскоре обнищал. Чтобы как-то поправить свое материальное положение, он принял предложение отца Анюты Байченко. В отличие от него, Карл Адамович - обрусевший немец, уроженец Петербурга, страстный музыкант, аккомпанировавший известным Петербургским талантам. Он также страдал запоями, которые и привели его в дом помещика, отца Зои.

В-третьих, на возникновение типажного немецкого учителя русской беллетристики оказали влияние образы учителей из немецкой литературы. Впервые в литературе эпохи Просвещения образ старика-учителя появляется у И. В. Гете. Фауст, всезнающий профессор преклонных лет, имеет ученика - Вагнера. Жан Поль описывает учителя-чудака в повести «Жизнь премного довольного учителишки Мария Вуца из Ауэнталя» (1790). У Ф.Шиллера появляется образ старого учителя-музыканта Миллера («Коварство и любовь»), где к возрастным и интеллектуальным характеристикам прибавляется любовь к искусству и умение играть на различных музыкальных инструментах.

Итак, типаж «учитель-немец» в беллетристической прозе обладает следующими характеристиками: это человек преклонного возраста, резко отличающийся необычной внешностью, манерами поведения и образом жизни. Он всегда одинок, поэтому испытывает отцовские чувства к одному самому талантливому воспитаннику или воспитаннице. Автор отводит такому герою одну из главных ролей в сюжете повествования. Показательно, что чаще всего в финале произведения следует либо смерть ученика, либо смерть и ученика, и учителя.

В отличие от немцев, учителя-французы почти не играют никакой особой роли в сюжетах женских повестей. Авторы лишь изредка обращаются к образам гувернеров, желая, прежде всего, приблизить обстановку повести к реальной действительности. Если немцев называют учителями, то французам более свойственно именование гувернёр. В различных словарях русского языка понятие «гувернёр» определяется примерно одинаково: «гувернёр - воспитатель, надзиратель за детьми, обычно иностранец». Он, прежде всего, должен быть воспитателем, а затем учителем. Его главная задача - присматривать за детьми и давать минимальные общие знания, в отличие от учителя, передающего знания специальные. Той же функцией иногда могут наделяться и няни-кормилицы, на смену которым приходят гувернёры и гувернантки.

Беглое упоминание о француженках-гувернантках можно встретить в повестях М. С. Жуковой. В «Медальоне» (1838) образ старой француженки-гувернантки встречается при перечислении членов семьи князя З…В повести она упоминается три раза, когда автор переносит действие в гостиную и иллюстрирует будничный вечер дворянской семьи князя: *«Князь, страдавший подагрою, нетерпеливо ворочался в креслах, непрестанно спрашивая доктора, браня его и посылая смотреть, нейдет ли он. Княгиня, Софья,* ***старая француженка*** *сидели вокруг рабочего стола возле его кресел…»* [Жукова 1986: 93]. В повести «Дача на Петергофской дороге» (1845) мамзель француженка упоминается единожды: автор описывает приезд из Петербурга француженки и Карла Адамовича как новый этап взросления главной героини повести. Аристокра-

тическое семейство Малуевых в повести «Наденька» (1853) выписывает из Парижа гувернантку Луизу Карловну. Вставная история о француженке, которая не получила плату за свои труды и сменила множество хозяев, с коими не могла сойтись, демонстрирует особое отношение к гувернанткам. Они воспринимаются не как учителя, а как прислуга.

Типаж «гувернёр (гувернантка)», хотя и присутствует в беллетристических повестях, почти не обладает никакими собственными отличительными характеристиками. Часто это лишь собирательный образ некоего воспитателя-иностранца, которого держат в семье не ради образования детей, а больше следуя общественной моде.

В 20-40-х годах XIX века в России уже появляются русские учителя. Это, прежде всего, студенты или бедные молодые люди, оставшиеся без средств к существованию. Молодой учитель всегда находится в центре повествования, а сюжет произведения строится на любовной коллизии. Такой тип сюжета тиражируется в русской беллетристике после издания сентиментального романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». В Германии ярким примером может служить пьеса Я. М. Р. Ленца «Домашний учитель» (1774), показывающая любовь молодого учителя и девушки-дворянки.

Так, в основе повести Ю. В. Жадовской «Простой случай» (1847), а позже и в ее романе «В стороне от большого света» (1857) - повествование о несчастной любви бедного молодого учителя к своей ученице. В обоих произведениях родственники героини не дают согласие на брак. Повесть заканчивается трагически. В романе, написанном через десять лет после повести, брак героев оказывается возможным лишь после разорения героини. Любовь героев в повести М. С. Жуковой «Мои курские знакомцы» (1838) настолько сильна, что после внезапной смерти учителя и возлюбленного молодая героиня остается старой девой в знак верности своей любви.

В отличие от гувернёра, играющего в сюжете повести второстепенную роль, молодой русский учитель всегда становится главным героем повествования.

Помимо домашних учителей, занимающихся с детьми какой-то одной семьи и живущих с ними, в беллетристике иногда упоминаются гимназические учителя. Например, в повести Д-и В-ской «Самопожертвование» (1837) описана классная дама Смольного Монастыря, принимающая живое участие в судьбе своей любимицы: *«… если судьба приведет тебя ко мне, я встречу тебя с такою же радостью, с каким огорчением теперь провожаю»* [Д-я В-ская 1837: 101]. Следует отметить, что в тексте повести классная дама больше не упоминается. Автор использует этот образ единожды для описания жизненных контрастов, выпавших на долю «бедной» Лизы.

Итак, типаж «учитель» в русской женской беллетристике включает несколько разновидностей: «учитель-немец», «гувернёр», «молодой человек», «гимназический учитель». Типаж «учитель-немец» является самым распространенным. Типаж «гимназический учитель» появляется лишь в 40-50-е годы XIX века и связан с изменениями системы Российского образования. Начиная с 60-70-х годов XIX века такой тип героя является одним из самых распространенных типажей в русской литературе.

Список использованной литературы

1. **Ган Е. А.** Напрасный дар // Сердца чуткого прозреньем… / Сост., авт. вступ. статьи и примеч. Н. И. Якушина. - М.: Сов. Россия, 1991. - С. 109-171.
2. **Д-я В-ская.** Самопожертвование. Быль // Библиотека для чтения. - СПб., 1837. - Т. 22. - С. 97-118.
3. **Жукова М. С.** Дача на Петергофской дороге // Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Ученова. - М.: Современник, 1986. - С. 246-322.
4. **Жукова М. С.** Медальон // Жукова М. С. Вечера на Карповке / Сост. и примеч. Р. И. Иезуитовой. - М.: Сов. Россия, 1986. - С. 75-109.
5. **Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М.** Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х - начало 1840-х годов) // Новое литературное обозрение. - 1998. - № 34. - С. 37-54.
6. **Соллогуб В. А.** История двух калош // Русская романтическая повесть / Сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Сахарова. - М.: Сов. Россия, 1980. - С. 555-596.
7. **Скалон С. В.** Воспоминания // Записки русских женщин XVIII - первой половины XIX века. - М.: Современник, 1990. - С. 281-388.
8. **Пушкин А. С.** Державин // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. - М.: «Правда», 1981. - Т. IX. - С. 47.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИМПЕРФЕКТА В РЕЧЕВОЙ ТАКТИКЕ УПРЕКА

Пензева Е. П.
Иркутский государственный технический университет

Исследования грамматической формы имперфекта и проблема трактовки его семантики привлекали и продолжают привлекать внимание как зарубежных, так и отечественных лингвистов [Roca Pons 1976; Bello 1978; Фирсова 1984; Васильева-Шведе 1990; Gutiérrez Araus 1998] и другие. Имперфект представляет собой сложную для анализа временную форму ввиду многообразия его употреблений. Выдвигались различные теории, стремившиеся определить единое значение этой формы. Не вызывает сомнения тот факт, что все